

РОССИЙСКАЯ
ИМПЕРИЯ
В ЗАРУБЕЖНОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Р76

СЕРИЯ «НОВЫЕ ГРАНИЦЫ» ИЗДАЕТСЯ С 2004 ГОДА
Издатель Евгений Пермяков Консультант Алексей Миллер
Продюсер Андрей Курилкин Дизайн Анатолий Гусев

Издание подготовлено в рамках мегапроекта
«РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ»
Института «Открытое общество» (Фонд Сороса)

Издание осуществлено при поддержке международного
благотворительного фонда им. Д.С. Лихачева и совместной
программы Министерства образования и науки России,
«ИНО-ЦЕНТРА (ИНФОРМАЦИЯ. НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ)»
и института им. Кеннана Центра Вудро Вильсона
«МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУКАХ»

Составители Пол В. Верт, Петр Кабытов, Алексей Миллер
Предисловие и вводные статьи к разделам Пол В. Верт,
Алексей Миллер, Петр Кабытов, Ольга Леонтьева
Перевод с английского Наталия Бодягина, Елена Кременскова,
Ольга Леонтьева, Анна Проскурина; с немецкого Нина Данилова,
Василий Никитин; с французского Наталия Липатова
Ответственные редакторы Ольга Леонтьева, Михаил Долбилов

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
Р76 Работы последних лет: Антология
 Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер
 М.: Новое издательство, 2005. — 696 с. — (Новые границы)

ISBN 5-98379-032-3

Насколько мы осознаем сегодня имперское измерение российской истории, его особенности и черты, общие с другими империями? Сборник переводов лучших статей по истории Российской империи, опубликованных зарубежными исследователями в последние годы, наверняка будет интересен российскому читателю.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 5-98379-032-3

© Фонд имени Д.С. Лихачева, 2005
© ИНО-Центр, 2005
© Новое издательство, 2005

Предисловие	9
I. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ И МЕТОДОЛОГИЯ	
От составителей	15
История России как история империи: перспективы федералистского подхода Марк фон Хаген	18
От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и их взаимозависимость Пол В. Верт	48
Численность бюрократии и армии в Российской империи в сравнительной перспективе Стивен Величенко	83
II. НАУКА И ИМПЕРИЯ	
От составителей	117
Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия Юрий Слёзкин	120
Наука, империя и народность: Этнография в Русском географическом обществе, 1845–1855 Натаниэль Найт	155

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЕ ПРЕВРАЩАЮТСЯ В ЯКУТОВ? «ОБЫНОРОДЧИВАНИЕ»
И ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
НА СЕВЕРЕ СИБИРИ, 1870–1914

ВИЛЛАРД САНДЕРЛАНД 199

ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА, ЭТНОГРАФИЯ И РУССКАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПЕРЕД ЛИЦОМ СУДА:
«МУЛТАНСКОЕ ДЕЛО» 1892–1896 ГОДОВ

РОБЕРТ ДЖЕРАСИ 228

III. ВОСТОК ИМПЕРИИ: ПРОБЛЕМЫ ВООБРАЖЕНИЯ И ПОНИМАНИЯ

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ 273

РОССИЯ МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И АЗИЕЙ: ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ
КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

МАРК БАССИН 277

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ И СПОР ОБ ОРИЕНТАЛИЗМЕ

АДИБ ХАЛИД 311

О РУССКОМ ОРИЕНТАЛИЗМЕ: ОТВЕТ АДИБУ ХАЛИДУ

НАТАНИЕЛЬ НАЙТ 324

ЕСТЬ ЛИ РУССКАЯ ДУША У РУССКОГО ОРИЕНТАЛИЗМА?

ДОПОЛНЕНИЕ К СПОРУ НАТАНИЕЛЯ НАЙТА
И АДИБА ХАЛИДА

МАРИЯ ТОДОРОВА 345

БАРЫМТА: ОБЫЧАЙ В ГЛАЗАХ КОЧЕВНИКОВ,
ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ГЛАЗАХ ИМПЕРИИ

ВИРДЖИНИЯ МАРТИН 360

IV. ИМПЕРИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ 391

ОБРАЗОВАНИЕ НАЦИЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

АНДРЕАС КАППЕЛЕР 395

ИЗОБРЕТАЮЩЕЕ ВОСПОМИНАНИЕ: РУССКИЙ ЭТНОС
В РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

АНДРЕАС РЕННЕР 436

СОДЕРЖАНИЕ

СОСЛОВИЕ, РЕГИОН, НАЦИЯ И ГОСУДАРСТВО:

Одновременность неодновременного в локальном пространстве Центральной Восточной Европы.

ПРИМЕР РИГИ 1860–1914 ГОДОВ

Ульрике фон Хиршхаузен 472

КТО И КОГДА БЫЛИ «ИНОРОДЦАМИ»? ЭВОЛЮЦИЯ
КАТЕГОРИИ «ЧУЖИЕ» В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Джон У. Слокум 502

V. НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КОНФЕССИИ И НАЦИИ

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ 535

НАРОДНЫЙ ИСЛАМ У КРЕЩЕННЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ТАТАР
В XIX ВЕКЕ

Агнес Н. Кефели-Клай 539

МОЖЕТ ЛИ КАТОЛИК БЫТЬ РУССКИМ?

О ВВЕДЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В КАТОЛИЧЕСКОЕ
БОГОСЛУЖЕНИЕ В 60-Х ГОДАХ XIX ВЕКА

Дариус Сталюнас 570

«МЫ» ИЛИ «ОНИ»?

БЕЛОРУСЫ И ОФИЦИАЛЬНАЯ РОССИЯ, 1863–1914

Теодор Р. Виск 589

СОЗДАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП И ОПРЕДЕЛЕНИЕ

СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ИНДИВИДУМА:

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПО СОСЛОВИЮ, ВЕРОИСПОВЕДАНИЮ
И НАЦИОНАЛЬНОСТИ В КОНЦЕ ИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА
В РОССИИ

Чарльз Стейнведел 610

ЗА ЧЕРТОЙ ОСЕДЛОСТИ:

ЕВРЕИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ПЕТЕРБУРГЕ

Бенджамин Натанс 634

СПРАВКА ОБ АВТОРАХ 688

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА 693

МАРК ФОН ХАГЕН
История России как история империи:
перспективы федералистского подхода

Исследования по истории империй снова вошли в моду¹. Вопрос о том, почему это произошло именно в конце XX столетия, мог бы стать предметом интересных размышлений. Распад Советского Союза, а также крах блока его союзников в Центральной и Восточной Европе дали толчок к созыву множества конференций и выпуску множества увесистых томов, где «социалистическое содружество» трактовалось как «последняя великая империя», а его крушение сопоставлялось с распадом Австро-Венгрии или Османской империи². Но еще до начала эры горбачевских реформ во внешней и внутренней политике, которые привели к распаду Советского Союза, наблюдалось оживление интереса к истории империй — особенно Британской, Французской, а также империи Габсбургов, — что объяснялось влиянием самых различных политических и академических причин. Так, интерес к этой тематике проявлял круг ученых, откровенно критично настроенных по отношению к европейским империям и к самой идее европейской гегемонии; эти ученые, вышедшие преимущественно из среды специалистов по истории «третьего мира» или «постколониальной» истории (но обычно не из числа специалистов, занимающихся историей Британии или Франции в традиционном смысле этих слов), вдохнули вторую жизнь в антиимпериалистическую риторику конца XIX века, хотя их собственные академические штудии направлены своим критическим острием против современного американского «империализма»³. В таких работах вдохновенная критика в адрес европейского правления зачастую сопряжена с веяниями новых исторических дисциплин, — таких, как «новая культурная история» или

история науки и медицины. Эту тенденцию отчасти можно объяснить, если обратиться к истории формирования академических интересов того поколения, которое сложилось под влиянием радикализма 1960-х годов, а в менее давние времена пережило увлечение проблемами идентичности и бурные научные баталии вокруг проблемы мультикультурализма в Соединенных Штатах.

Но при этом другой важной причиной оживления интереса к истории империй следует считать переосмысление идей «национального государства» и национализма: переосмысление, в основе которого лежало стремление объяснить, почему история национализма часто оказывалась столь трагична — особенно в течение всего XX столетия и в его конце; возможно, этот интерес является и следствием не высказываемого вслух разочарования, вызванного крушением идеалов Объединенных Наций, которые, как казалось, одержали триумфальную победу над националистическими идеями после Второй мировой войны. Постсоветский национализм в Восточной и Центральной Европе, а также в Евразии по большей части «возник» так внезапно и привел к столь негативным последствиям, что параллели с националистическими движениями межвоенного или даже военного времени напрашивались сами собой⁴. Официальные версии исторического прошлого, которых придерживаются сейчас многие национальные движения и политические лидеры, столь явным образом «искусственно сконструированы» и столь прочно коренятся в традиции национальных мартирологов и ритуальных траурных плачей⁵, что это поневоле заставляет историков, социальных историков, политологов и представителей культурной антропологии пересмотреть вопросы о национально-этнической идентичности, внося в сложившиеся представления значительную долю скептицизма.

Поскольку большинство современных националистических идеологий возникло в рамках политической и интеллектуальной культуры могущественных империй и поскольку эти идеологии провозгласили само собой разумеющейся истиной, что национальные государства, как более справедливые и эффективные, являются полноправными наследниками одряхлевших и отживших свое империй, — постольку национализм, пропитывавший современную историческую науку, внушал ученым предубеждение против того, чтобы посвящать себя изучению империй.

Однако возобновление этнических конфликтов в Европе в частности и в Евразии в целом повлекло за собой появление почти ностальгических взглядов: с ретроспективной точки зрения стало казаться, что по крайней мере некоторые многонациональные монархические империи регулировали межэтнические отношения гораздо дольше и — во всяком случае — с менее апокалиптическими последствиями, чем это получилось у современных национальных государств, которые были выкованы как часть наследия великих империй, потерпевших крах во время и после Первой мировой войны⁶. В частности, империя Габсбургов и в меньшей степени Османская империя пережили в наши дни своего рода историографическую реабилитацию, будь тому причиной призывы австрийских марксистов Отто Бауэра и Карла Реннера к созданию федеративной системы, основанной на экстратерриториальной культурной автономии, или модернизированная версия системы *миллетов* в Османской империи⁷. Но в то время как проблемы наций и национализма привлекают заметное внимание социальных историков и социальных теоретиков, тематика империй и многонациональных государств все еще остается недостаточно теоретически осмысленной⁸.

Переосмыслению проблем национального государства способствовали также и европейские историки; по мнению многих из них, взятые некогда за образец решения этой проблемы националистические нарративы, посвященные истории Германии, Франции и Британии, становятся неадекватными в эпоху европейской интеграции и расцвета региональной и трансрегиональной политики⁹. Подобно тому как сторонники интеграции и регионалисты считают организационный потенциал национального государства недостаточно значимым или искусственно сдерживающим, — так же и многие историки находят, что практика организации кафедр вокруг того или иного национального нарратива является анахронизмом и даже искажением реальности¹⁰. И в этом контексте история империй также бросает вызов национальным нарративам и предоставляет новую сферу приложения сил для тех, кто изберет объектом изучения исторические объединения-долгожители.

И, наконец, переосмысление истории империй — это лишь одна из многих сторон изучения современных дилемм, встающих перед либеральной политической мыслью, когда она, пытаясь отстаивать принципы государственного суверенитета, прав человека,

гражданства, коллективной и национальной идентичности, сталкивается с реалиями новой политической экономики, сложившейся вместе с гигантскими торговыми союзами (такими, как ЕЭС, НАФТА и, в числе прочих, Тихоокеанский блок). На повестке дня в международной политике стоит вопрос о необходимости переосмыслить устоявшиеся отношения между правами человека как индивида и правами различных коллективных образований, будь то нации, субэтнические образования или какие-либо иные малые сообщества". Достаточно указать на уже упоминавшийся выше пример системы миллетов в Османской империи или обычно ассоциирующиеся с австро-марксизмом призывы реформировать империю Габсбургов, чтобы понять, что по крайней мере на закате этих империй их элита сталкивалась со многими из тех вопросов, которые приобрели новое звучание в нашу «транснациональную» эпоху. Разумеется, в конце XX столетия можно лишь до определенного предела перенимать опыт империй, которые жили в соответствии с династическими, сословными и конфессиональными принципами; разумеется, многие из самых негуманных и нетерпимых националистов XX века были выходцами из этих империй; но эти империи также пережили и удивительно мощный по своему разнообразию расцвет интеллектуальной и политической мысли, бившейся над проблемой поиска альтернативы существующим порядкам (многие из предложенных тогда путей решения были преданы забвению при позднейшем переписывании прошлого в националистическом ключе — большей частью потому, что эти решения были по своему характеру транснациональными или даже антинациональными)¹².

Представляется, таким образом, что можно найти немало причин оживления интереса к истории империй; но лишь недавно эта тенденция проявилась в изучении истории России и Советского Союза (причем тут не обошлось без колебаний и амбивалентного подхода)¹³. Памятуя о том, что в течение десятилетий на периферии академического ландшафта вели ожесточенные баталии несколько крупных интеллектуальных армий, обратим внимание на то, что историки, определившие магистральную линию развития русской и советской науки, упорно концентрировали свое внимание на видении прошлого с позиций двух столиц — Москвы и Петербурга, — а также большей частью на политической, социальной и культурной истории этнических русских. Что касается

периферии академического ландшафта, то одним из создателей марксистской традиции критики империализма был, среди прочих, В.И. Ленин, позаимствовавший и переработавший концепцию ставшей ныне классической работы его современника Джона Гобсона (*Imperialism: A Study*, 1902)¹⁴. Ленинский подход всецело укладывался в русло взглядов тех критиков империй, кто считал империи заведомо обреченными на гибель; отождествляя империализм с высшей стадией капитализма, ленинская работа тем самым усиливала чувство неизбежности краха империй — несмотря даже на то, что Ленин отнюдь не считал желанным исходом триумф национальных государств (скорее уж, таким исходом ему представлялась интернациональная социалистическая федерация освобожденных народов). Примечательно, что свою «родную» Российскую империю Ленин в своих исследованиях фактически оставлял без внимания (если не считать того, что он обогатил большевистский политический лексикон понятием «тюрьма народов» и лозунгом «права наций на самоопределение»¹⁵); но тем не менее на заре советской эпохи ученые, обращавшиеся к «постколониальным» проблемам, взяв за отправную точку антирусские воззрения Карла Маркса и Фридриха Энгельса, сумели сформировать тонкую, изощренную традицию изучения имперских политических институтов, социальной и культурной политики, — и даже предвосхитить (в 1920-х годах!) работу Эдварда Саида об ориентализме¹⁶. Разумеется, их целью было прежде всего показать несправедливости дореволюционного прошлого, а также подчеркнуть, что новому советскому государству удалось преодолеть все виды национальной и иной дискриминации и эксплуатации.

С тех пор как сталинское руководство провозгласило, что эксперименты по «коренизации» и так называемому советскому федерализму зашли слишком далеко, это критическое изучение российской империи было прекращено, чтобы уступить место более смягченному взгляду на прошлое России — пониманию российской экспансии как «органического роста», как возглавляемого государством шествия по пути непрерывного прогресса (явное влияние на эту концепцию оказал тот консенсус либеральных и славянофильских воззрений, который сложился среди российских историков в последний период существования империи)¹⁷. «Национальный вопрос» в 1930-х годах был провозглашен решен-

ным — считалось, что решением его стала ликвидация дискриминации по национальному признаку и создание советских национальных культур. Удивительно, что многие западные ученые, в особенности те из них, кто находился под влиянием теории модернизации, не смогли всерьез усомниться в правдивости этих заявлений и признали, что в Советском Союзе, как и в большинстве других современных промышленно развитых стран, национальное и религиозное неравенство осталось в прошлом¹⁸. Эта вера, возможно, в какой-то степени подготовила западных ученых к переходу на позиции, которые разделяло большинство русских историков в позднеимперский период, — к восприятию Российской империи как находящегося в эмбриональном состоянии национального государства. Сторонники этой концепции фокусировали свое внимание на попытках великорусского государства выковать великорусскую нацию, — проект, перешедший по наследству от бюрократов эпохи Николая I к либеральным и консервативным политикам начала XX века¹⁹. Эти воззрения, распространившиеся в западной науке усилиями влиятельных историков-эмигрантов, — таких, как гарвардский ученый Михаил Карпович, — и сформировали взгляды послевоенного поколения западноевропейских и североамериканских историков, занимавшихся историей России.

Другие периферийные направления научных поисков, — многие из трудов их представителей недавно были восстановлены в правах в глазах научной общественности или даже переизданы, — в большей или меньшей степени принадлежали к порожденной холодной войной традиции истории «покоренных народов». Разумеется, республиканские и демократические администрации вместе с Конгрессом США постоянно в своих риторических заявлениях говорили о «советской империи» или, при Рейгане, об «империи зла», тем самым закрепляя в сознании взгляд на историю Российской империи как предысторию советского экспансионизма. Образцом произведений такого рода является труд, изданный Тарасом Гунчаком в 1974 году, — «Русский империализм от Ивана Грозного до революции», открывающийся очерком с весьма характерным заглавием: «Истоки русского империализма»²⁰. Эти ученые, хотя зачастую они занимали противоположную сторону политического спектра по сравнению с их советскими предшественниками 1920-х годов, тем не менее руководствовались теми же, что и их советские коллеги, анти-

империалистическими убеждениями и теми же лозунгами национального освобождения. Большинство историков — выходцев из Российской империи или Советского Союза, писавших об истории «покоренных народов», исходили именно из такого видения русской и советской истории: от историков Украины, Польши и Прибалтики и других западных регионов империи до влиятельной школы историков, объединившихся вокруг Александра Беннигсена и занимавшихся изучением истории тюркских и мусульманских народов Российской империи. Москва, Санкт-Петербург и русские вообще фигурировали в их трудах преимущественно в роли иноземных захватчиков, покорителей, эксплуататоров, и вновь Российская империя и наследовавшее ей советское государство сурово бичевались как «тюрьмы народов»²¹.

Много лет назад лорд Хейли напомнил нам, что «империализм — просто ученый термин», но на его предостережения не обратили должного внимания. Для большинства ученых, стоящих на левых позициях, Британская и, в меньшей степени, Французская империи были образцом или даже жупелом «империализма»; для тех, кто теснее примыкал к правым, ту же самую роль играли Российская или Советская империи²². Наиболее воинственно настроенными учеными, как и их единомышленниками из числа политического истеблишмента времен холодной войны, понятие «империализма» неосторожно отбрасывалось, но обычно оно при этом несло в себе дополнительные смысловые оттенки: «экспансионизм» и «эксплуатация». В этом отношении послевоенная традиция, сложившаяся на основе воззрений Карповича и вольно или невольно игнорировавшая многонациональный характер Российской империи, стала внутренне закономерной попыткой отразить выпады «ястребов» из научных и околонучных кругов и сохранить в условиях сурового идеологического климата хотя бы некоторую степень интеллектуальной автономии и нейтралитета²³. Разумеется, никто из ведущих историков России не защищал империю как таковую; скорее, они пытались написать историю России в большей или меньшей степени как историю национального государства, или, по крайней мере, национального государства, находящегося на стадии формирования. Одним из последствий такой ситуации стало рождение двух (или даже нескольких) научных традиций — магистральной линии российской истории и «перифе-

рийных историй» зарубежных ученых, существовавших в полной изоляции друг от друга.

Поскольку термин «империя» слишком часто и незамедлительно ассоциировался с «империализмом» (и всеми негативными смысловыми оттенками, которые вкладывают в этот термин антиимпериалистическая и антиколониальная традиции) и поскольку прилагательное «имперский» столь часто понималось как «империалистический»²⁴, историкам, изучавшим прошлое России, было трудно сбросить со счетов историческую традицию восприятия этой страны как мультинациональной и сложность ее этнического состава, столь отличавшего империю от национального государства²⁵ даже если сопоставлять ее с теми «исправленными и дополненными» версиями истории национальных государств — Великобритании, Франции и Германии, которые были созданы современными историками. Вплоть до сегодняшнего дня изучение истории Российской империи было сосредоточено вокруг проблем экспансионизма в его различных формах, аннексий, завоеваний, эксплуатации и угнетения — в соответствии с магистральными линиями развития исторического нарратива о судьбе «покоренных народов». С недавних пор, когда, как было отмечено выше, этот круг проблем расширился, чтобы включить также изучение распада империи, большинство таких исследований впитали в себя либеральные и «левые» представления о том, что империи изначально обречены на гибель; как следствие, содержащиеся в них социологические обобщения приобрели явно детерминистское звучание²⁶. То, о чем обычно забывают при изучении Российской империи, — это вопросы о том, каким образом империи удалось просуществовать столь долгое время, как она эволюционировала с течением времени, как она примиряла друг с другом самые разнообразные сообщества и территории, вошедшие в ее состав, и как сами эти сообщества и территории изменялись, оказавшись частью имперской системы²⁷.

Федерализм в русской истории и историографии

Возможен ли выход из той дилеммы, когда в одних случаях игнорируют многонациональный характер Российской империи и Советского Союза и тем самым интерпретируют прошлое России как

историю национального государства, а в других случаях — всячески подчеркивают многонациональный характер этих двух государственных образований лишь для того, чтобы во имя ценностей национального освобождения и национализма заклеить эти государства позором как анахроничные, приговоренные самой историей к неизбежному распаду? Существует ли некая промежуточная точка зрения — или несколько точек зрения — между этими крайностями, которая не была бы апологетикой ни империализма, ни кликушествовавшего национального шовинизма?

Как мне представляется, краеугольные камни для построения этой альтернативной точки зрения можно отыскать в недрах возникшей в XIX веке традиции историографической, идейной и политической критики Российской империи, — традиции, так никогда и не развившейся, не реализованной на практике, а позднее безжалостно подавленной, — которая может быть названа «федерализмом»; эта традиция была тесно связана с программами автономии и регионализма²⁸ и находилась в более отдаленном родстве с теми течениями политической мысли того времени, чьи названия начинаются с приставки «пан-»²⁹. Трудно назвать федерализм особым «движением» в политической мысли России конца XIX — начала XX века, поскольку мыслители из Сибири, Украины и Польши, перу которых принадлежат наиболее тщательно разработанные альтернативные проекты политической организации Российской империи, едва ли поддерживали какие-либо контакты друг с другом³⁰. Их воззрения, тем не менее, роднил друг с другом общий идеал обновленного, демократического (либерального или социалистического), многонационального государства, щедро предоставляющего полномочия местным автономным образованиям и обеспечивающего реализацию этих полномочий, но при этом сохраняющего экономическое могущество, политический статус великой державы и культурное разнообразие Российской империи. После получения политических свобод, вырванных у самодержавия в ходе революции 1905 года, эти изолированные мыслители стали искать пути и методы сотрудничества; началом такого сотрудничества стало создание кружка депутатов-автономистов в Первой думе; оно продолжилось в годы Первой мировой войны³¹; кульминацией же и пирровой победой этого движения стал созыв Съезда представителей национальностей Российской империи в Киеве

в сентябре 1917 года (в историографическом и политическом смысле значение этого события оказалось перечеркнуто большевистским переворотом в Петрограде, произошедшим несколько недель спустя)³². Но даже после этого идеал федеративного объединения — по большей части утопический — возникал в нескольких схемах пантюркистов, в истории недолговечной Закавказской Федерации, созданной в 1918 году, а также в стремлениях нескольких украинских правительств времен Гражданской войны создать общий антибольшевистский фронт вместе с донскими казаками, Сибирским Временным правительством и прочими протогосударственными образованиями на окраинах бывшей Российской империи³³. В отличие от более поздних большевистских федералистских экспериментов или от советского псевдофедерализма, как называют его критики, где предоставление народам культурной или административной автономии рассматривалось лишь как временный компромисс, как промежуточная стадия на пути к унифицированной и централизованной «интернациональной» политической системе, сторонники федерализма из числа либералов и умеренных социалистов скорее хотели дать жизнь более сложному политическому устройству, предусматривавшему широкий спектр этнических, региональных, национальных, религиозных и социальных подсистем, и в меньшей степени склонявшемуся в сторону централизма и унификации. Предложенная либералами и умеренными социалистами версия федерализма явно напоминала посвященные этой теме произведения американской политической мысли. Большинство американских ученых фокусировало свое внимание на политических и административных аспектах взаимоотношений между двумя уровнями правительственных структур (обычно обозначаемыми как «центр» и «регионы»). Чтобы федерализм был реальным, каждый уровень управления должен обладать определенной сферой компетенции, где он может действовать самостоятельно. Хотя в большинстве этих работ подразумевалась демократическая система управления³⁴, они могли, тем не менее, если применить их с надлежащими поправками, пролить свет и на историю функционирования государственного аппарата Российской империи до начала современной эпохи.

Поскольку советское правительство в годы своего благополучного процветания придерживалось мнения, что политическая

система, в рамках которой оно функционирует, есть не что иное, как федерализм (а его оппоненты упрекали советский режим в том, что он маскирует этим названием свою империалистическую сущность), и поскольку более ранние (и даже более поздние) попытки создать оригинальную версию федерализма со всей очевидностью провалились, федерализм как таковой не пользуется на сегодняшний день особенно благоприятной репутацией. (Более того: советский федерализм, признававший ключевым организационным принципом принцип этнического или национального деления, обычно не вписывался в большинство классификаций, разработанных западными политологами, и — что более важно — не использовался в функционировании Российской империи.) Еще более существенный вклад в формирование этой — по большей части сомнительной — репутации федерализма внесли его безжалостные критики — как из числа сторонников централизма и унификации³⁵, так и из числа приверженцев национального сепаратизма. Иными словами, мы не вправе вводить самих себя в заблуждение, что федерализм для российской и советской политической мысли был чем-то большим, нежели маргинальным направлением; скорее, напротив, магистральным направлением развития российской политической мысли оставалось бескомпромиссно унитарное видение Российской империи независимо от того, предлагали ли его кадеты, октябристы, социал-демократы или социалисты-революционеры³⁶. Но сам факт, что федерализм подвергался столь ожесточенным нападениям с двух сторон, свидетельствует, что обе стороны, по тем или иным причинам, считали этот альтернативный путь угрозой для своих централизаторских или сепаратистских замыслов; этот факт может также стать удобной отправной точкой для историографического анализа двух противоположных подходов к организации политического пространства Российской империи³⁷.

Даже если мы признаем, что федералистская альтернатива так и осталась невостребованной, маргинальной и, более того, задушенной в политической мысли Российской империи, я, тем не менее, настаиваю, что анализ русской истории с точки зрения федерализма не только вполне оправдан, но и даст нам богатейшие возможности для переосмысления русской истории, когда мы обратимся к прошлому с позиций нашей постсоветской реальности. Среди перечисленных мною в начале этого очерка причин возрож-

дения интереса к изучению проблем империй можно выделить те, которые связаны с вопросами транснациональной политики, с более скептическим восприятием принципа государственного суверенитета, а также с потребностью примирить либеральную теорию прав человека как индивида с концепцией прав групп и сообществ. Сегодня социальные теоретики в гораздо меньшей степени, чем их предшественники, являются приверженцами унитарных моделей государств или обществ; скорее они тяготеют к признанию того, что Майкл Манн назвал «федеральным» характером доиндустриальных обществ, и рассматривают даже общества современного мира как асимметричные союзы, как «вольные конфедерации или стратифицированные союзнические блоки»³⁸. Ученые признают, что Советский Союз, как и империи вообще, не совпадает с моделью национального государства (обычно в таких случаях СССР сопоставляют с Францией, которая в классической европейской политологии фигурирует в качестве примера естественной финальной точки политического развития)³⁹. Любопытно заметить, что в Российской империи, несмотря на тот факт, что власть в разные эпохи пыталась воплотить в жизнь самые разнообразные модели политических отношений (в их числе — недолговечные конституционные монархии в Финляндии и в Польше, признание особых корпоративных прав остзейского дворянства и многие другие подобные «аномалии»), официальная идеология российского самодержавия провозглашала единство государства⁴⁰, а официальная правительственная политика считала своей целью унификацию и стандартизацию и потому осознанно игнорировала разнообразие народов и регионов империи, что и определяло на деле развитие имперской политической мысли и самым решительным образом исключало возможность обращения ее к идее федерализма⁴¹. Фактически опыт Российской империи четко отражен в литературе, повествующей о тех «сделках» по поводу раздела сфер влияния, которые стремилась заключить после завоеваний или аннексий правящая элита центра с кооптированной элитой провинций в Европе начала Нового времени⁴².

Если мы обратимся от официальных деклараций и государственной политики к реалиям повседневной жизни, то обнаружим также и толерантное — если даже не поощрительное — отношение к двойственной лояльности национальных групп

и к изменениям их самоидентификации в зависимости от конкретной ситуации, что, как мы знаем, в высшей степени характерно для полиэтнических государств в целом⁴³. Так, немецкая по происхождению элита остзейских губерний, охарактеризованная Джоном Армстронгом как «мобилизованная диаспора»⁴⁴, утверждала свою местную политическую культуру и привилегии «у себя дома», в то время как целые поколения ее представителей верно служили императору как полководцы, дипломаты и генерал-губернаторы на всем пространстве империи. Как представляется, это было обычной моделью поведения в мирное время; положение остзейских немцев впервые подверглось серьезной угрозе в годы Первой мировой войны, которую преподносили как крестовый поход славянства против тевтонских варваров и которая сопровождалась ростом массовых националистических движений. Перемены в политике военного времени прежде всего резко сократили то пространство, которое существовало прежде для проявления разнообразных идентичностей; война привела к сужению понятия «лояльность» и превратила некоторых подданных империи в ее «естественных» врагов⁴⁵. Ставки при выборе той или иной этнической идентичности (даже если человек имел реальную возможность такого выбора) значительно возвысились, поскольку следствием принятия «не той» идентичности мог стать арест, конфискация имущества, депортация или смерть. Но стоит повторить еще раз, что это не было нормой этнических отношений в империи; скорее можно сказать, что перемены, принесенные войной, лишь резко высветили те тенденции в политике довоенных лет, которые редко осознанно артикулировались, но были запоздало осознаны авторами послевоенных воспоминаний, с ностальгическим оттенком рефлектирующих об ушедших временах.

Еще один аспект, где федералистский подход к истории империи может стать достойной альтернативой существующим подходам, связан с проблемой разнообразия и неожиданных (но отнюдь не случайных) сочетаний религиозных, этнических, этнорелигиозных, политических и социальных сообществ. Федералистский подход позволяет избежать трактовки всех этих многогранных образований как аномалий на фоне более «современных» этнически однородных сообществ; иными словами, не игнорируя существования разнообразных этнорелигиозных сообществ, он

не трактует механистически идентичность какого бы то ни было из них как всегда первостепенно важную или даже исключительно необходимую для данного сообщества⁴⁶.

Чтобы избежать упреков в том, что я использую федералистский подход как удобное прикрытие для безудержной методологической эклектичности, попытаюсь наметить некоторые ведущие принципы такого подхода. Прежде всего, историки, занимающиеся изучением Российской империи, должны быть компаративистами; было бы замечательно, если бы они имели некоторое представление о принципах внутреннего устройства других империй, как существовавших одновременно с Российской империей, так и относящихся к иным историческим периодам; но гораздо более важно уметь сопоставлять взаимоотношения империи с разнообразными подвластными ей сообществами, выделенными по религиозному, сословному или же этнолингвистическому принципу (это означает, что историю Польши и Финляндии необходимо вновь рассматривать как часть истории Российской империи XIX и начала XX века)⁴⁷. Иными словами, обширное научное направление, объединяющее специалистов по истории различных нерусских народов империи, должно интегрироваться с магистральной линией изучения и преподавания российской истории; а представители этой магистральной линии, в свою очередь, не должны больше трактовать историю Российской империи так, как если бы эта последняя состояла исключительно из этнических русских («нации», которой не существовало на протяжении большей части имперского периода русской истории и о характере которой бурно спорили на закате империи и в советский период). Два направления науки, которые по большей части существовали и развивались в изоляции друг от друга, должны вступить в диалог. Было бы достаточно легко скомпилировать новую историю империи, просто добавив к ней уже написанные истории наций, входивших в состав империи; но проблема состоит в том, что слишком многие из этих национальных историй проникнуты стремлением доказать, что их история была уникальной в пределах империи (и, как правило, уникальной по своему трагизму). Такое легко утверждать только в том случае, если историк почти ничего не знает об истории других народов империи, как, увы, слишком часто и обстоит дело. Подобный подход не позволяет и понять адекватным

образом ту динамичную эволюцию, которую претерпели многосторонние взаимоотношения центра империи с ее пограничными зонами, колониями или окраинами⁴⁸.

Но, конечно, недостаточно лишь провозгласить принцип компаративизма; чтобы иметь материал для сравнений, мы можем также обратиться к трудам в области исторической социологии, особенно к тем из них, которые посвящены проблемам формирования государств и наций⁴⁹. И в этом плане существующая на сегодняшний день научная литература, посвященная различным сообществам в составе Российской империи, также придерживается совершенно различных программ исследований, что объясняется относительной изоляцией этих научных направлений друг от друга. Большинство авторов недавних работ по социальной истории (особенно те из них, которые затрагивают историю конца имперского периода) фокусирует свое внимание на процессе классового формирования, и в особенности на тех классах, которые занимали низшие ступени в имперской иерархии. Обычно авторами таких работ руководит густо замешенная на марксизме симпатия к экономически угнетенным классам, порождающая остро критическое отношение к самодержавию и к капитализму. Неудивительно, что в большинстве исследований, повествующих в традиционном ключе об этнических и национальных сообществах, ключевым моментом для критики самодержавия становится тема этнического угнетения и что авторов гораздо меньше занимает изложение истории вторжения капитализма в политическую экономию Российской империи, чем история попыток националистически настроенной элиты (обычно каких-либо разрядов интеллигенции) возглавить процесс формирования «самосознания» нации⁵⁰. Нарратив «покоренных народов» определяет более консервативную политику в исторической литературе.

Предпринимались и героические усилия — преимущественно со стороны представителей левого крыла политического спектра — преодолеть разрыв между понятием класса и понятием этничности как организующими принципами исследования⁵¹. Так, Бенедикт Андерсон, Эрик Хобсбаум и Мирослав Хрох в числе прочих пытались применить при изучении феномена национализма историко-материалистический подход. Это многообещающее направление в изучении различных оппозиционных движений

в истории Российской империи тем не менее по-прежнему питает враждебное отношение уже не только к самодержавию, но и к империи как таковой; более того, эти историки в огромной степени (и осознанно) находятся под влиянием наследия оппозиционных политических партий Российской империи, поскольку именно программы этих партий, их периодические издания и воспоминания их лидеров представляют собой богатейшую источниковую базу для таких исследований⁵². На сегодняшний момент практически не предпринималось попыток соединить эту научную традицию, занятую изучением возникновения коллективных акций и движений протеста, с другим значительным массивом изолированных научных исследований, в центре которых находится проблема эволюции политических институтов Российской империи на закате самодержавия и тех способов, которые сознательно или неосознанно применяли эти политические институты для структурирования различных сообществ и их идентичности. Военская повинность, налогообложение, религия, образование и местное управление — вот лишь некоторые из тех сфер, где наиболее очевидным образом осуществлялось взаимодействие между обществом и государством⁵³.

Целью этих экскурсов в компаративную историческую социологию могло бы стать открытие и сохранение столь многих ракурсов восприятия империи, сколь возможно, — с позиций тех, кто жил в различных ее уголках и стоял на различных социальных уровнях; создание того, что Михаил Бахтин называл полифонией или «разноголосостью»⁵⁴, где голос (или голоса) имперского центра переплетаются с голосами иных сообществ, находящихся под властью империи. Эта полифоничность не должна в то же время воскрешать в воображении некое анархическое равенство голосов, поскольку властные отношения между центром и периферией чаще были асимметричными не в пользу периферии⁵⁵. Но нельзя считать, что это преобладание центра было неизбежным в любой ситуации и неизменным во времени. И здесь вновь федералистский подход приобретает явное философско-методологическое звучание, даже если мы придем к выводу, что в империи, где столь явно преобладала одна нация — русские (какое бы содержание мы ни вкладывали в это понятие), его шансы на успех были весьма незначительны; или, к примеру, если мы сочтем реалистичной перспективу создания под-

линой федеративной системы взамен Российской Федерации или конфедерации — взамен Содружества Независимых Государств. Любые ожидания, что в наши дни существуют более весомые шансы на образование федерации, чем в дни крушения империи Романовых в 1917 году, не означают, что нам следует признать принцип федерализма более «правильным», чем он был прежде; это просто служит верным признаком, что федерализм является альтернативой, которую мы не имеем права не принимать в расчет⁵⁶.

Федерация по самой своей сущности представляет собой нестабильное образование⁵⁷; она может сохранять равновесие, заложенное при ее создании, она может эволюционировать в направлении более унитарного государства, или, наконец, она может распасться на несколько независимых политических образований. Иными словами, невозможно вывести единое правило эволюции для федеративных систем. Федерализм, кроме того, уменьшает возможности использования популярных органических, особенно биологических, метафор, которые часто возникают при описании истории наций и национальных государств: рождение, пробуждение, расцвет, зрелость⁵⁸. Если уж так необходимо заимствовать метафоры из какой-либо науки, то более подходящей тут представляется геология: геологические перемены не имеют определенного конца, но тем не менее остаются переменами по своей сущности. Обычно их описывают возникающими в определенных «пластах» в ответ на давление со стороны верхних или нижних «пластов»; такое давление может даже вызывать качественные изменения породы⁵⁹.

Отбросив биологические метафоры, которые ученые склонны применять не только к эволюционирующему организму, но любому образованию, обладающему относительно четкими, «естественными» границами (по отношению к внешнему миру, по отношению к другим организмам), федералистский подход может привлечь наше внимание к тем процессам, где границы постоянно стираются или укрепляются посредством активных действий. В этих границах, отделяющих одно человеческое сообщество от другого, нет ничего особенно «естественного» или четко фиксированного. Здесь можно было бы использовать весьма плодотворную работу антрополога Фредерика Барта⁶⁰, чтобы избежать частой проблемы историков — восприятия классовых или

этнических различий как реальности, в которую нас заставляют поверить источники, созданные оппозиционными политическими партиями. Эта работа помогла бы также вернуть государство со всеми его институтами и культурами в жизнь тех сообществ, от имени которых это государство выступало и которыми оно управляло⁶¹. Если мы будем рассматривать и государство, и общество как федеральные по сути своей структуры, а не слепо доверять их собственным завышенным самооценкам, — поскольку они идентифицировали сами себя как унитарные и унифицированные сообщества, — то мы станем более восприимчивы к проблеме границ этих образований, к процессам их противоборства и взаимопомощи и к тем личностям, которые, зачастую к своей выгоде, преодолевали эти границы⁶². Мы можем также выявить те группы, институциональные образования и способы поведения, заполнявшие своеобразные промежутки, существовавшие внутри структур таких федеративных государств и сообществ. И, наконец, становясь на точку зрения федералистского подхода, историки могут воскресить в себе нечто вроде ощущения сложности и разнообразия организации и функционирования Российской империи. Это обострит восприятие России как империи, история которой замалчивалась или искажалась в угоду модели национального государства, формировавшейся в течение XIX века и явно восторжествовавшей с тех пор в социальных и гуманитарных науках.

Примечания

1 *Doyle M.W. Empires. Cornell, 1986; Kennedy P.M. The Rise and Fall of the Great Powers. N.Y., 1987*; существенное внимание истории империй уделил также Майкл Манн в своей работе, охватывающей всемирную историю: *Mann M. Sources of Social Power. Cambridge, 1986.*

2 См. материалы конференции «Крах империи: причины и последствия», проведенной по гранту SSRS 19–20 ноября 1994 года в Колумбийском университете (одним из участников которой был автор этих строк), а также изданный по итогам конференции в университете штата Миннесота сборник: *Nationalism and Empire: The Habsburg Monarchy and the Soviet Union / Ed. by Richard L. Rudolph, David F. Good. N.Y., 1992.* Живой интерес в академических и политических кругах вызвала даже проблема «османизации» Советского Союза, под которой авторы, как нам представляется, обычно подразумевают вмешательство «великих держав» в процесс распада СССР — нового «больного человека» международной политической системы.